

Электронная библиотека “Либрус” (<http://librus.ru>)

Научно-техническая библиотека электронных книг. Первоначально задуманная как хранилище компьютерной литературы, в настоящий момент библиотека содержит книжные издания по различным областям знания (медицинские науки, техника, гуманитарные науки, домашнее хозяйство, учебная литература и т.д.). Серьезность научно-технических **e-book'ов** разбавляет раздел развлекательной литературы (эротика, комиксы, задачи и головоломки).

Основной целью проекта является ознакомление читателей с многообразием книгопечатной продукции и помощь в выборе действительно стоящей книги для приобретения у законных издателей, их представителей или в соответствующих организациях торговли. Для покупки через Internet мы рекомендуем воспользоваться услугами интернет-магазина “[Озон](#)”.

ВНИМАНИЕ!

Данный файл представлен исключительно в ознакомительных целях!

После ознакомления с данной книгой Вы обязаны удалить ее с Вашего компьютера.

В случае несоблюдения данного обязательства, Вы нарушите закон "Об авторском праве и смежных правах".

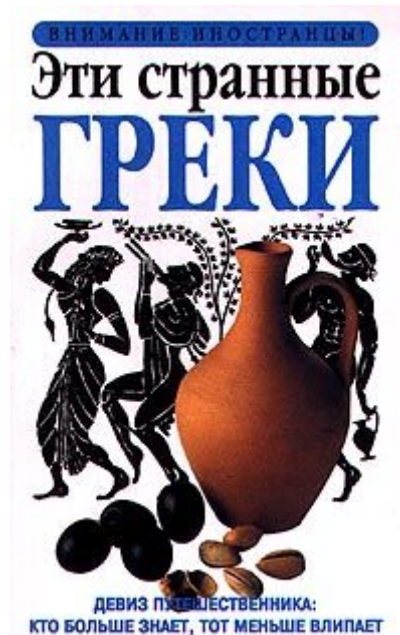
Все авторские права сохраняются за правообладателем. По его требованию доступ к данному электронному документу будет перекрыт. Однако, таким образом, тысячи потенциальных покупателей так и не узнают о, возможно, нужной и полезной книге.

Авторам и издательствам

Если Вы заинтересованы в рекламе и продвижении Ваших книг на бескрайних сетевых просторах мы с удовольствием включим их в наш каталог.

Александра Фиада Эти странные греки

«Эти странные греки»: Эгмонт Россия Лтд.; Москва; 2000; ISBN 5-85044-401-7

Аннотация

«Греки – самая неуверенная в себе нация в мире...»

Население Греции составляет 10 миллионов (сравните с 3 миллионами албанцев, с 2 миллионами населения бывшей югославской Республики Македония, состоящего из болгар, греков, албанцев, сербов, турок и цыган; с 8 миллионами болгар и 60 миллионами турок).

НАЦИОНАЛИЗМ И САМОСОЗНАНИЕ

Предостережение

«*Xenos*» по-гречески означает как «иностранец», так и «гость». Уже во времена Гомера гостеприимство в Греции не только было своеобразным ритуалом с легкой религиозной окраской, но и превратилось в форму искусства. Греки были первыми «ксенофилами» в мире, – то есть они любили дружественных незнакомцев.

Соответственно, «ксенофоб» по-гречески означает местного жителя, который не любит иностранцев, зачем-то приехавших в его страну. В других языках это понятие имеет более широкое значение и может подразумевать путешественников, которые боятся незнакомцев, с которыми они сталкиваются в пути, что, если подумать, довольно странно, ибо если боишься незнакомцев, какого черта тебе не сидится дома?..

Но раз уж дома им не сидится, необходимо успокоить тех путешественников-ксенофобов, которые, если бы могли, предпочли бы наслаждаться красотами чужеземных краев, не встречаясь с их обитателями.

Поскольку это все же неизбежно, прежде всего следует осознать, насколько важно завоевать доверие туземцев и склонить их на свою сторону, что весьма легко, если только поймешь, чем они живут. В Греции избегайте смотреть свысока на все греческое, потому что если будете задирать нос, ничего не добьетесь. У греков у самих очень длинные носы, так что они могут задрать их гораздо выше.

Какими они видят себя

Греки – клубок противоречий, и проявляется это прежде всего в том, какими они видят себя. Если послушать разговор грека с другими греками, когда они говорят о поведении еще каких-то греков, вы услышите убийственную критику поведения их соотечественников в какой-то конкретной ситуации. Собеседники будут одобрительно кивать головой в знак согласия и отпускать еще более язвительные замечания.

Однако горе тому несчастному чужеземцу, который осмелится усомниться в том, что греки – соль земли! Те же самые греки, которые минуту назад с таким пренебрежением отзывались о соотечественниках, набросятся на него с яростью тигрицы, защищающей своего детеныша, и, превознося достоинства греков, обвинят его во всех грехах, которые его страна совершила по отношению к Греции со времен зари цивилизации, а может и раньше.

Не то чтобы греки не признают своих несовершенств, – скорее они не признают права других указывать на эти недостатки. «Когда мы строили Парфенон, – могут они сказать, – вы еще прыгали по веткам!»

Современные греки относятся к себе весьма неплохо, потому что, хоть они и не могут похвастаться даже сотой долей достижений своих предков, тем не менее смогли пройти через 400-летнюю турецкую оккупацию, одну из самых жестоких в истории, практически сохранив в неприкосновенности свое самосознание, религию, обычаи и язык.

Мимо них прошла эпоха Возрождения, для которой греки подготовили почву, их не коснулись научные открытия Просвещения, социальные и промышленные революции и многое другое, – греки были выброшены в современность примерно 150 лет назад и с тех пор стараются догнать Запад.

Переход был болезненным. Живя в стране, которая потеряла более трех четвертей своей бывшей территории и которая постоянно находится на грани банкротства, они отягощены громадным комплексом неполноценности по отношению к античным и византийским грекам, потому что не сумели возродить «Великую Грецию» своих праотцев.

В отношении Запада у греков также имеется странный комплекс неполноценности-превосходства. «Мы дали им светоч знаний, а они нам оставили свет дешевых сальных свечей», – любят упрекать они Европу. С другой стороны, они верят, что они самый умный, самый искренний и самый смелый народ на земле.

Вот что пишет греческий писатель Никос Дему:

«Когда современный грек смотрится в зеркало, он видит там Александра Македонского или Колокотрониса (величайший генерал греческой войны за независимость), или, на худой конец, Онассиса. Никогда – Карагёза (популярного персонажа театра кукол). На самом же деле он – Карагёз, который мечтает о том, что он Александр Македонский. Карагёз разных профессий, Карагёз многоликий, который вечно голоден и является мастером лишь одного искусства: играть роль».

Какими их видят другие

«Все мы греки, – сказал Шелли. – Наши законы, наша литература, наша религия, наше искусство – все имеет свои корни в Греции». Тем не менее в словарях можно встретить сленговое определение слова «грек» как шулер, игрок, мошенник. Возможно потому, что многим беженцам, наводнившим европейские столицы после падения Константинополя, приходилось, чтобы выжить, рассчитывать только на свою смекалку.

Двойственная сущность греков веками зачаровывала историков и путешественников. Кто-то смотрел на греков через розовые очки, кто-то – через грязные искривленные линзы; иные вообще их не видели, но писали о них так, как будто знали хорошо. Лучше всех, однако, охарактеризовал их американец, судья Н.Келли, который сумел выразить все их противоречия в нескольких словах:

«На трибунале безжалостной истории всегда доказывалось, что греки не соответствуют обстоятельствам, хотя с точки зрения интеллекта они всегда на высоте.

Греки – самый умный, но также и самый тщеславный народ, энергичные, но также и неорганизованные, с чувством юмора, но полные предрассудков, горячие головы, нетерпеливые, но истинные бойцы... Одну минуту они сражаются за правду, а другую – ненавидят того, кто отказывается солгать.

Странное создание – неукротимое, пытливое, наполовину хорошее – наполовину плохое, непостоянное, с меняющимся настроением, эгоцентричное, взбалмошное и мудрое – грек. Жалейте его, восхищайтесь им, если хотите; классифицируйте его, если сможете».

Особые отношения

Один американец греческого происхождения имел обыкновение раздавать свои визитные карточки, на которых жирным шрифтом было напечатано: «Лучше я буду иметь дело с тысячей турок, чем с одним греком». На обороте стояло название его фирмы: «Похоронное бюро Майка».

От одного слова «турок» у самого космополитичного грека волосы дыбом встают, хотя объект их ненависти – Турция как концепция, а не отдельно взятые турки. Их можно понять: они жили под гнетом турецкого режима, начиная со времени массовой резни при падении Константинополя в 1453 году. В годы последующей оккупации отряды бойцов греческого сопротивления в национальных белых юбочках организовывали мятеж за мятежом.

В 1821 году пришел их час: они отвоевали часть Греции, но какой дорогой ценой! «Лучше час свободы, чем 40 лет рабства!» – поется в революционном гимне. Их девиз «Свобода или смерть!» еще находит отклик в греческих душах, и в дни великих годовщин прошлых побед на всех каналах звучат военные песни.

Во втором раунде войн с турками греки освободили Эпир, Македонию и Западную Фракию, но после десяти победных лет в 1922 году их кампания в Турции закончилась полнейшей катастрофой – один миллион убитых и полтора миллиона беженцев.

Современные греки не только ведут себя так, будто события тех лет произошли вчера, – они также взваливают вину за все недостатки своего характера на турецкую оккупацию.

В глубине души они приветствовали бы любую возможность отвоевать обратно свою «потерянную родину», какова бы ни была цена. А поскольку турки, в свою очередь, мечтают возродить Оттоманскую империю, отношения между этими нациями весьма и весьма натянутые.

Какими они видят других

За исключением турок, греки не питают недобрых чувств к каким-либо другим нациям.

Правда, они не особенно жалуют болгар и славян, живущих к северу от их границ, которые, не удовлетворенные уже завоеванными греческими территориями, имели намерения расширить свои владения к югу до Эгейского моря.

Не пылают они особой любовью и к албанцам, которые умудрились нажиться на греческой гражданской войне и затащить за коммунистический «железный занавес» область Северного Эпира с полумиллионом населяющих его греков.

Когда дело доходит до прозвищ, у греков имеется собирательное понятие *coutofragi*, что означает глупые франки или глупые западноевропейцы, что относится ко всему Западу. По всей вероятности, это выражение сохранилось со времен оккупации Греции в XIII веке франками – участниками Четвертого крестового похода. Вот уж истинное столкновение цивилизаций, когда невежественные рыцари в железных доспехах вламываются в утонченную Византийскую империю, круша на своем пути все, что выше их понимания!

Более поздние времена породили следующие обобщения: турки – *boudaladas*, то есть толстые и глупые, или же *apisti* – неверные. Славяне, особенно болгары, – *gourounomites*, уродцы со свиным пяточком вместо носа, или *kommitadzides* – головорезы, которые на рубеже века совершали набеги на Македонию, склоняя греческое население (которое тогда мучилось под турками) обратиться в болгар.

Итальянцы – ни на что не годные макаронники (греки не забыли, как основательно они побили итальянскую армию во второй мировой войне).

Французы – в зависимости от пола – или жиголо, или кокотки, или же хитроумные дипломаты, что вовсе не является комплиментом. Немцы – трудоголики, ирландцы – алкоголики, шотландцы скупые, евреи – тоже прижимисты, но зато умеют отлично торговаться.

Испанцы – страстные любовники, египтяне – неграмотные феллахи, арабы – бедуины, которые и пальцы сопрут, если вы протянете им руку для рукопожатия. Вся Африка населена ленивыми арапами, которыми пугают детей; американцы наивны, и этим надо пользоваться; русские – *haholi* - бесформенные мясные туши; китайцы – такие же непостижимые, как и их язык.

И, наконец, лорды и джентльмены – англичане, ходячая пунктуальность, хотя народец холодный.

Остальные нации могут катиться к черту.

Удивительно, но греки никогда не делают другие национальности объектом своих шуток. Они это сохраняют, так сказать, в семье, адресуя насмешки от провинции к провинции, от деревни к деревне, от острова к острову. Критяне высмеивают пелопоннессцев, македонцы – румелиотов, жители Эпира – фессалийцев, островитяне – жителей материковой Греции, афиняне – всех остальных, и так далее, пока не окажется охваченной вся страна. А на тот случай, когда требуется поставить под сомнение умственные способности какого-либо народа, у греков имеются греки-понтийцы (переселенцы из городов на Черноморском побережье). Например:

Вопрос: *Почему понтийская проститутка, проработав 20 лет, покончила жизнь самоубийством?*

Ответ: *Потому что она узнала, что другие проститутки получают за это деньги...*

Или:

Объявление в аэропорту: *«Просьба к понтийцам не разбрасывать зерно по взлетно-посадочной полосе. «Большая птица» и так прилетит».*

Греческие цыгане – еще один излюбленный объект анекдотов из-за их склонности к воровству, навязчивой торговле всякой ненужной мелочью, бесчисленных детей и невообразимой грязи:

«Жена, – спрашивает цыган, заметив в зеркале заднего обзора, что один из его многочисленных отпрысков свалился с грузовика, – остановимся и подберем его или я сделаю тебе нового?»

ХАРАКТЕР

Характер греков, даже во времена Гомера, правильнее всего будет назвать шизофреническим.

Ни образование, ни воспитание, ни богатство не создает человека в Греции, а их отсутствие не порождает подлеца.

В разных слоях общества вы можете встретить и Александра Македонского – благородного, смелого, умного, с широкими взглядами, искреннего, сердечного и щедрого, и Карагёза – низкого, коварного, эгоистичного, болтливового, тщеславного, ленивого, завистливого и жадного, – часто в одном и том же человеке.

Индивидуализм

Индивидуализм – главная черта, характеризующая греков, что делает невозможной любую попытку рассортировать их по полочкам и навесить ярлычок на греков как нацию.

Они лелеют свое сверхраздутое эго, что делает совершенно невозможным любую коллективную инициативу до тех пор, пока они не столкнутся лицом к лицу с национальной катастрофой, и тогда они сплываются в редком проявлении национального единства. Греки также обнаруживают чрезвычайную страсть к свободе выбора – что делает их абсолютно невосприимчивыми к пониманию слов «дисциплина», «координация» или «система».

«Я» – любимое слово греков. Когда грек задает риторический вопрос «А ты знаешь, кто я?», он явно считает себя центром вселенной. Как объяснял один старичок из Дельф, все очень просто: «Земля – центр Вселенной, Греция – сердце Земли, Дельфы – центр Греции и, следовательно, пуп Земли, я – глава Дельф, следовательно, я – центр Вселенной».

Бурные эмоции

Когда грек не спит, его живой темперамент расцветает буйным цветом, не стесненный никакими условностями. Может быть, именно это заставило древних мудрецов высечь на порталах храма Дельфийского оракула изречения «Ничего сверх меры» и «Познай самого себя» в тщетной попытке убедить сограждан сдерживать эмоции.

Они не вняли этому призыву тогда, не внимают и сейчас. От Ахилла, чей гнев явился причиной такой массовой бойни под стенами Трои, до адмирала Миаулиса, который в XIX веке так рассердился на правительство, что поджег греческий флот, греки дают полный выход своим эмоциям, и... плевать на последствия!

Самоконтроль хоть и был изобретен древними спартанцами, не только неизвестен современным грекам, но и абсолютно непонятен. Они все делают со страстью – веселятся и печалются. Они кричат, вопят, раздражаются напыщенными тирадами, неистово проклинают судьбу одинаково по поводу важных и не очень важных обстоятельств. Ни одно чувство не считается слишком личным, чтобы остаться невыраженным. Их страсти не знают границ.

Такая бьющая ключом несдержанность часто выливается в жгучую потребность выразить себя в какой-нибудь физической форме.

Во всем мире люди танцуют, когда счастливы. Греки же склонны излить глубочайшую боль и сердечные страдания в разрывающем сердце величественном танцевальном ритме.

«Во мне живет черт, – объясняет грек Зорба в одноименном романе Никоса Казандзакиса. – Каждый раз, когда мое сердце готово разорваться, он приказывает мне: «Танцуй!» – и я танцую. И моя боль проходит».

Безразличие

С раскаленностью греческого темперамента органично сочетается лед общеизвестного безразличия греков ко всему, что связано с улучшением общественной жизни или к любому достойному делу.

Широко распространенное выражение «Забудь об этом, брат! Я не стану рисковать своей шеей ради спасения Римской¹ нации!» указывает на упорное нежелание большинства греков проявлять активный интерес к чему-либо, что лежит за пределами их ближайшего окружения или что не принесет им личной выгоды.

На этот счет даже есть песенка, которая заканчивается припевом: «А мы все сидим в кофейне – сигары, кофе и карты, и пусть будет что будет, брат!»

¹ В разговорном языке греки все еще называют себя «римлянами», так как греко-византийская Восточная Римская империя просуществовала еще тысячу лет после распада Западной. – Прим. автора

Неуверенность в себе

Согласно международному исследованию, греки самая неуверенная в себе нация в мире. Они боятся видеть себя такими, какие они есть на самом деле, они страшатся ответственности за свои действия – и потому не способны посмеяться над собой. Прячась за фасадом внешнего достоинства, они пытаются скрыть свои сомнения, свою неуверенность любыми способами. Они боятся, что их посчитают недостаточно серьезными, и чем больше недостатков они у себя находят, тем более помпезными и серьезными стараются казаться. Две трети греческого общества преследуемы мыслью «А что скажут другие?» и прячут свою истинную сущность под слоями плохо пригнанной благопристойности.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Одна живем!

Греки умеют наслаждаться жизнью в полной мере. Они желают приятно проводить время и жить в свое удовольствие здесь и сейчас, а завтра пусть катится к дьяволу! Грек может растратить месячное жалование на одну-единственную пирушку и провести оставшееся до полудня время без гроша в кармане, но зато с довольной ухмылкой на лице.

Греки умудряются получать удовольствие даже в таких ситуациях, которые повергают другие народы в глубокое уныние. Их безудержный оптимизм выражен в расхожей фразе «Бог даст!» и в хорошо всем знакомой концепции «авось».

Рассказывают историю о том, как во времена турецкого владычества один грек заключил с кади (судьей) пари, что через год он научит своего осла читать и писать; в этом случае он должен был получить тысячу золотых монет, а если и через год осел останется неграмотным – потерять голову. Грек занял деньги под будущий выигрыш, женился на славной девушке и жил себе припеваючи. Друг спросил его: «Разве ты не собираешься предпринять что-либо для обучения осла?» «Ба! – ответил грек. – Через год или осел или судья наверняка умрут. Они оба такие старые!»

Если бы я был богатым...

Заветная мечта всякого современного грека – разбогатеть как можно скорее, желательно пальцем для этого не шевельнув. Но ему никогда не придет в голову запрячь свое богатство в кубышку. «В конце концов, – говорят они, – в саване нет карманов».

Наоборот, деньги им нужны, чтобы их потратить, причем напоказ, чтобы все заметили – на спортивные автомобили, ослепительные драгоценности (настоящие, разумеется), одежду от известных кутюрье, меховые шубы, загородные дома и корзины цветов для исполнителей в ночных клубах, где они являются постоянными клиентами. Все остальное – успешная карьера, удачная женитьба, семья – стоит на втором месте.

Старый критянин, провозглашая тост, резюмировал эту мечту так: «За наши будущие радости, друзья! Пусть нас похитят прелестные девушки – и пусть мы проживем недолгую, но полную жизнь!»

Самоуважение

Philotimo – чувство собственного достоинства – та ценность, которую греки тщательно берегут и ставят выше всего другого. Оно подразумевает самоуважение, честь, совесть, уважение к другим, честную игру и долг. Обычно, взывая к чувству собственного достоинства, можно заставить грека подняться над обстоятельствами. Проявить неуважение или пренебрежение к *philotimo* равносильно потере лица у восточных народов. Это серьезное оскорбление, требующее отмщения.

ПОВЕДЕНИЕ

Никогда не сбрасывай бабушку с поезда!

Греческие семейные узы настолько крепки, что часто можно встретить три или даже четыре поколения, живущих в одном доме или по крайней мере достаточно близко, чтобы можно было в буквальном смысле докричаться друг до друга.

Несмотря на греческий «мачизм», в восьми случаях из десяти жена и мать являются неноминальной главой семьи, особенно в городах.

Глядя на живописные фотографии греческих крестьянок, нагруженных вязанками дров и покорно бредущих за своими мужьями, гордо восседающими на ослах, можно предположить, что жизнь этих женщин ничем не лучше жизни их сестер в мусульманских странах. Однако, как и многое другое в Греции, это внешнее впечатление обманчиво.

Тщательно скрываемая правда состоит в том, что большинство мужчин-греков живут под каблуком у женщин, но они скорее умрут, чем признаются в этом. Даже холостяки среднего возраста, имеющие собственные квартиры, почти ежедневно навещают мамочку, которая их вкусно накормит и безупречно погладит им рубашки.

Для греков материнская стряпня – всегда самая вкусная, и поэтому при выборе жены грек будет искать девушку, похожую на его мать. В конце концов, греческая поговорка утверждает, что жена всегда похожа на свекровь, и греческих женщин с самого детства воспитывают для роли респектабельных тещ и свекровей.

Старшее поколение пользуется в семье традиционным уважением, даже если уже прошло время, когда они держали в руках бразды правления и когда дети выполняли все их прихоти. Возможно, это как-то связано с тем фактом, что старики приносят в дом пенсию (иногда довольно значительную), но скорее всего важно другое: ведь дети получали от них все на тарелочке с золотой каемочкой, пока не стали взрослыми, так что теперь они чувствуют себя обязанными заботиться о престарелых родителях.

Кроме того, что скажут соседи, если они не будут заботиться о родителях? О них будут говорить так, как будто у них совсем нет никакого *philotimo*.

Царя Ирода и близко не подпустили бы!..

Держитесь подальше от греческих детишек! За их ангельскими личиками скрываются перекормленные, избалованные, хвастливые, требовательные исчадия ада. Эти милые крошки разнесут ваш дом быстрее, чем команда подрывников. Родители могут для вида покричать на них (преимущественно когда все остальные спят сладким сном), но сами ужасно их балуют, уступая самым безрассудным требованиям своих чад.

В результате в большинстве деток развиваются все наихудшие качества греческого характера, и ни одного лучшего. К счастью, здоровая конкуренция среди сверстников, высшее образование, армия, трудовая деятельность и прочая грубая реальность жизни, как правило, обтесывают их, и в них вдруг проявляются такие положительные качества и достоинства, о которых никто и не подозревал.

Мальчики, как более избалованные, намного хуже девочек. Им продолжать родовое имя – поэтому для них нет ничего слишком хорошего, не говоря уже о поверье старух, будто отказ в нежном возрасте может сделать из будущего мужчины импотента. Раздаются шлепки, сыплются оплеухи, звучат страшные угрозы («Я с тебя шкуру спущу!»), но реальная дисциплина встречается редко.

Греки обожают своих детей и безгранично заботятся о них, пока те не найдут себе хорошую стабильную работу или не женятся. Отношения с родителями редко прерываются, что бы ни случилось, и уж во всяком случае не деградируют до уровня вежливого знакомства, такого обычного для остального западного мира.

Прочие мелочи

Греки – одна из самых нерасистских наций в мире. Если они и рассказывают расистские анекдоты, то только потому, что не могут устоять перед изюминкой истории, а не потому, что действительно думают о ком-то плохо.

Древние греки говорили: «Кто не грек – тот варвар». Но, как сказал оратор III века до нашей эры Исократ, «греками мы называем тех, кто разделяет с нами общую культуру». Современные греки думают так же.

В Греции живет и работает (половина – нелегально) очень много иностранцев; среди них – студенты, приехавшие по обмену, политические беженцы и туристы, заехавшие на недельку-другую отдохнуть, но спустя 10 лет все еще ошивающиеся здесь.

Греки не делают различия между отдельными этническими и религиозными группами – скорее наоборот, они готовы из кожи вон лезть, лишь бы «другие» чувствовали себя как дома. Однако это не означает, что привратник ночного клуба впустит вас, если решит, что у вас нет денег или что от вас можно ждать неприятностей.

Собачья жизнь

Нельзя назвать греков такими уж любителями животных, хотя нередко можно встретить пожилых старых дев, тратящих все свои жалкие сбережения на полный дом приبلудных кошек и собак. Как правило, держать домашних питомцев – привилегия высшего общества и тех, кто пытается им подражать.

Остальные берегут свою любовь для тех животных, от которых есть хоть какая-то польза. Но уж если грек заведет себе кота или собаку, он не позволит им спать на кровати или ошалело носиться по всему дому. В больших городах боязнь бешенства (случаев которого не отмечалось вот уже несколько десятилетий) все еще заставляет мамаш предупреждать детей: не подходи к «этим грязным собакам»!

МАНЕРЫ

Своеобразно толкуя слово «свобода», греки часто путают хорошие манеры и подобострастное повиновение, которое они вынуждены были усвоить под турецким игмом, чтобы выжить. Вследствие этого они верят, что проявление вежливости годится только для рабов.

Прибавьте к этому абсолютное неприятие дисциплины (к чему их приучают с пеленок), желание поставить на место любого, а также общую склонность к понижению стандартов (так как всегда легче двигаться вниз, чем вверх), – и никого не удивит, что хорошие манеры не являются самой сильной чертой греческого характера.

В Греции нет классовой системы с четко определенными границами; различные классы свободно перемешиваются, поэтому плохие манеры можно встретить в самых неожиданных местах. Рождение и хорошая школа не дают гарантированного права на положение в обществе, и концепции «социального выскочки» для греков не существует.

Поскольку титулы знати запрещены конституцией, то, что греки называют высшими классами, на самом деле – сегодняшние нувориши, пережившие на нуворишах вчерашних. Это пышное социальное тесто заквашено на добавках из интеллектуалов, ученых, артистов, менеджеров высшего звена и политиков.

Те немногие представители истинно старых семей, кто еще может позволить себе вращаться в обществе, украшают этот социальный пирог наподобие декоративных вишеноч. Но большинство упомянутых в Венецианской Золотой книге старинных семей, чья родословная уходит корнями в Византийский двор и чьиими предками были влиятельные землевладельцы и вожди прошлого, в финансовом отношении давно пошли ко дну. Их, может быть, осталось немало, но все же недостаточно много для того, чтобы оказать положительное влияние на без манерное большинство.

И потому греческие манеры лучше всего охарактеризовать как поверхностные. Рукопожатия предназначены лишь для знакомства. Друзья говорят друг другу «*Yia sou !*» и целуются в обе щеки, независимо от пола и возраста. Поклоны и целование рук оставлены для священников Греческой Православной церкви.

Стоять в очереди – практически дело невиданное. Греки двигаются и ездят в агрессивной манере, и их действия абсолютно свободны от какой-либо озабоченности благополучием и спокойствием других. Не ожидайте, что вам все время будут говорить «спасибо» и «пожалуйста», или чего-либо похожего на пунктуальность, а также не ждите от греков, что они будут сохранять спокойствие в кризисной ситуации. Те, кто так поступает, после об этом пожалеют (если доживут, конечно).

За столом

Застольные манеры греков оставляют желать много лучшего. Локти снуют туда-сюда, попадая в соседние тарелки, сосед может заехать вам в плечо в неравной борьбе с неподатливым куском мяса. И даже в дорогих ресторанах не считается зазорным обглаживать кости. В общие блюда с закусками и салатами залезают пальцами и макают индивидуальные кусочки хлеба в общий соус.

При этом все болтают и жуют, не закрывая рта. Зато то, чего грекам не достает в застольных манерах, они с лихвой компенсируют хорошим настроением и живой общительностью. Если у вас за столом есть хотя бы несколько греков, даже самый формальный ужин будет обязательно звенеть смехом – ко благу всех присутствующих.

ОДЕРЖИМОСТЬ

Страсть к легкой наживе – одна из навязчивых идей греков, о чем свидетельствуют многочисленные государственные лотереи, которые каждую неделю создают парочку миллионеров и заодно обеспечивают казначейство приличным доходом. Для многих греков покупка лотерейного билета – такая же вошедшая в обиход привычка, как чтение утренней газеты, а купив билет, они начинают предаваться мечтам о том, что будут делать со всеми выигранными деньгами. Так в мечтах они проводят время до дня розыгрыша. Приходит день тиража (и, соответственно, разочарования), и все начинается сначала – они покупают новые билеты и снова начинают мечтать.

Греция, может, и бедная страна, но у большинства греков денег больше, чем они могут истратить. Деньги ублажают непомерно раздутое эго новой буржуазии, и та пытается афишировать имеющееся количество денег автомобилями, мехами и другими приобретениями. Это невинное желание повыпендриваться вполне объяснимо – большинство горожан покинуло свои деревни ради больших городов лишь 50-60 лет назад, поэтому их урбанистический менталитет еще не успел сформироваться – понадобится еще по меньшей мере два поколения, чтобы они стали настоящим средним классом.

Огромная популярность мыльных опер «Династия», «Дерзкие и красивые» и их греческих подражаний соизмерима лишь с греческой неуверенностью в себе. Через такие фильмы они как бы живут среди всех тех предметов престижа и богатства, которые они не могут или не осмеливаются себе позволить в реальной жизни. Точно так же популярны игровые шоу, которые, предлагая диапазон призов от тостеров до автомашин, утоляют жажду греков к легкому обогащению.

Казалось бы, можно было ожидать от греков, что они будут одержимы своим культурным наследием, но нет. Они к нему равнодушны – как говорится, чем ближе знаешь, тем меньше считаешь. Греки вспоминают о своих знаменитых предках только тогда, когда их слава может послужить каким-то практическим целям.

А вот кого они почитают более всего – так это героев Войны за независимость. Они также ужасно гордятся тем фактом, что во Второй мировой войне еще продолжали сражаться против стран Оси, когда вся остальная Европа уже капитулировала: «Мы уже не говорим, что греки

сражаются как герои, мы говорим, что герои сражаются как греки», – сказал Уинстон Черчилль.

Греческие национальные праздники – 25 марта и 28 октября – отмечают победы в этих двух войнах с флагами и эмоциями. Греки могут быть равнодушны к классической Элладе, но стоит кому-нибудь поставить под вопрос хоть что-то из наследия предков, как современные греки поднимутся все до одного на защиту этого наследия, поскольку они воспринимают любое пренебрежение к своему историческому прошлому как личное оскорбление, как ущемление их собственного *philotimo*.

ДОСУГ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Для англичанина его дом – его крепость. Для грека же его дом, скорее, постоянный двор, который, за редкими исключениями, он использует в чисто практических целях – чтобы отдохнуть, переодеться, иногда что-то съесть, но на самом деле он там не живет.

То, что грекам нравится больше всего, – так это куда-нибудь пойти. Все предпочтительнее, нежели сидеть дома, и если бы они могли себе это позволить, все свободное время греки проводили бы с семьей и друзьями вне дома.

Те, у кого нет выбора, и кому приходится по воле обстоятельств проводить почти все вечера дома, считаются людьми в некотором роде эксцентричными, чтобы не сказать мизантропами.

Среднестатистический грек – существо очень общительное. Он обожает толпу, любит на других посмотреть и себя показать. Ни одна другая страна в мире не может похвастаться таким количеством всевозможных кофеен, кафе, кафетериев, таверн, ресторанов, баров, ночных клубов и мест, где играют на бузуки, – и все они переполнены посетителями семь дней в неделю.

Пойти куда-нибудь поесть – самое любимое развлечение греков, особенно если в ресторане, который он выбрал, идет представление или играет живая музыка. Как только греки попадают в ресторан, они заказывают намного больше, чем могут съесть, как будто пытаются компенсировать многие годы недоедания. (Многие еще помнят нехватку продовольствия в годы немецкой оккупации во время Второй мировой войны, от которой только в Афинах пострадали 350 тысяч человек.)

Греческое представление о том, как лучше провести вечер, – это усесться за стол одной из таверн (которые с ранней весны до поздней осени расставляют столы и стулья прямо на улице, привлекая посетителей) желательно в *parea* (компании) двух-трех семейных пар (иногда с детьми, когда не удастся подкупить кого-нибудь из членов семьи остаться с детишками).

Затем они начинают есть (чрезмерно), пить (умеренно) и болтать глупости (многословно) до глубокой ночи, в то время как детки развлекаются, таская за хвосты уличных котов, или просто засыпают от усталости на стульях.

Причем такой образ жизни характерен не только для столицы. В Греции нет даже самой захудалой деревушки, которая не кичилась бы неизбежными кофейнями и парочкой ночных заведений. По всей стране не найдешь городской площади, которая в солнечный день не была бы заполнена столиками и стульями, развалившись на которых большинство населения страны коротает время в праздности, как будто завтра не наступит никогда.

Вообще говоря, чтобы как следует развалиться, греку нужно по меньшей мере четыре стула. На одном он сидит, на перекладыни между ножками двух других ставит ноги, затем, откидываясь на спинку стула, так что стул теперь балансирует на задних ножках, он закидывает руку на спинку еще одного стула, чтобы поддержать равновесие. Иногда ему нужен еще и пятый стул, чтобы повесить пиджак. (Некоторые современные кафе используют стулья, которые не могут балансировать на двух ножках, поэтому сей старинный вид спорта постепенно приходит в упадок.)

Наблюдая все это, иностранец может невольно задаться вопросом: а кто же тогда работает, и когда? По слухам, работает всего 5 процентов населения страны. Остальные 95 процентов избегают как могут этого неприятного занятия.

Досуг

Для среднестатистического грека работа – это то, что он делает (проклиная судьбу-злодейку) между праздниками. В Греции 12 официальных праздников плюс 22 рабочих дня оплачиваемого отпуска. Добавьте к этому уикэнды, больничные, обязательные разнообразные забастовки – все это позволяет предприимчивому греку примерно полгода делать то, что он любит больше всего на свете – то есть не делать ничего. В результате в течение двух недель вокруг Рождества и во время пасхальных праздников, а также на два самых жарких летних месяца – июль и август – жизнь в стране буквально замирает.

Во время короткого отдыха – в конце недели, например, греки пакуют жену, детей и тещу в машину и устремляются за город с упорством мигрирующих леммингов. Как только они достигают места назначения, отпрысков выпускают на волю, а грек опять же усаживается за столик таверны. В воскресенье вечером, со множеством дорожных инцидентов, треть населения страны возвращаются в несчастную столицу через три узкие дороги, претендующих на гордое название шоссе.

Во время более продолжительного отдыха или отпуска те, кто живет в городах, навещают деревню, откуда они родом.

Средний класс часто отдыхает также и за границей, в основном организованными группами. Приоритет отдается покупкам в универмагах, на которые они набрасываются подобно стае прожорливой саранчи; осмотр достопримечательностей занимает второе место. Все, купленное за рубежом, считается лучшего качества, особенно если удалось приобрести по дешевке, а лондонские распродажи особенно любимы греками. Появились даже сленговые неологизмы. Например, «*megla*» – от фразы *Made in England* указывает на элегантность и высокое качество. По контрасту «*jampa*» – *Made in Japan* – означает дешевизну приобретения.

Секс

Согласно недавнему опросу, проведенному среди опытных путешественниц – «нехороших девочек» («хорошие девочки попадают на небеса, а плохие – путешествуют по всему свету»), лавры латинского любовника венчают кудрявые головы греков – к величайшей досаде итальянцев, которые оказались лишь на втором месте.

Всем известно, что каждый год к греческим островам слетаются стаи туристов из холодных европейских регионов с одной только мыслью в хорошеньких головках: секс. Тут их встречают горячие греческие парни, называемые *kamakia* – от слова гарпун, которые этих девушек и загарпунивают. В остальное время они – простые рабочие, служащие или студенты, но как только наступает лето, отправляются на празднество плоти. Свои амурные похождения они рассматривают как услугу человечеству, одаривая пряными бархатными ночами на берегах древних морей пьянящей, пропитанной солнцем мужской силой замороженных бледных северных дев.

Греки – очень чувственный народ. Хотя в среднем классе и существует кажущаяся сдержанность по отношению к сексу, ничто не может быть более обманчивым, так как на самом деле это лишь поверхностное впечатление. Не удивительно, если учесть, что нация воспитывалась не на «Винни-Пухе», а на самой адюльтерной мифологии в мире.

Если бы вам удалось подслушать задушевный разговор в кругу друзей, независимо от того, женщины это, мужчины или смешанная компания, вы бы ушам не поверили. Описания того, что они делали, как, сколько раз и с кем, настолько бесстыдны, откровенны и украшены такими живописными подробностями, что делает сборник пьес Аристофана без купюр собранием пуританских нравоучений.

Большинство мужчин, счастливых в браке и не очень, считают для себя делом чести попытаться соблазнить любую более или менее презентабельную особу женского пола. Если это и приводит к роману – мимолетному и короткому – то редко отражается на статусе семейной жизни любого из партнеров. Греческие мужчины вступают в связи, чтобы побаловать свое эго и добавить остроты в повседневную жизнь, и, кто бы ни утверждал обратное, очень редко их можно заставить развестись с женой и жениться на любовнице. Жена в безопасности

на своем троне, как королева пчел в семейном улье – она просто небрежно отмахнется от факта супружеской неверности и скажет: «Бедняжка – он не может отказать даже кошке! Но ведь он же мужчина – наперекор природе не поперешь!»

Однако зачастую супруга склонна отплатить ему той же монетой. Хотя обычно чем более неверна жена, тем более ее муж уверен в ней. «Наставь мужу рога и не прибегай к колдовству и зелью», – дает рецепт семейного благополучия старинная поговорка.

Греки, несмотря на их чувственность, а может именно поэтому, не испытывают острой потребности в сексуальных игрушках и наглядных пособиях, пользующихся такой популярностью в других странах. Там мало секс-шопов, а порнофильмы смотрят скорее для развлечения, нежели как дополнительный стимул перед половым актом.

С другой стороны, они свято верят в возбуждающие свойства устриц и оливкового масла, и в то, что газированные напитки и содовая наносят ущерб их потенции.

Для греков секс – это дар богов человечеству, и они наслаждаются этим даром с таким размахом, что в Греции один из самых высоких уровней абортов в Европе.

А ежели кто полезет к греку с нравоучениями западной церкви, что, мол, заниматься любовью, не имея целью продолжения рода, – грех, грек засмеется и скажет, что если бы у Господа действительно были такие намерения, он сделал бы так, что у мужчин и женщин была бы течка лишь раз в год, как у животных.

«Поскребите грека, и вы обнаружите язычника». Концепция «греха» имеет в жизни повседневной Греции очень неглубокие корни. Во всяком случае в городах не существует понятия «жить во грехе», а поскольку теперь по закону женщины больше не берут фамилии мужей (дети могут выбирать любую), нет никакой возможности узнать, жената пара или нет. Слова «муж» и «жена», что, впрочем, по-гречески то же самое, что «мужчина» и «женщина», используются независимо от семейного статуса.

ЕДА И НАПИТКИ

Греция – страна, подарившая человечеству нектар и амброзию. Как, впрочем, и цикуту. Греческая кухня может гордиться изысканными и утонченными блюдами, но наряду с этим вы можете купить на улице какую-нибудь отраву, соблазнившись незатейливыми прелестями *fast-food*.

Вот, к примеру, типичное греческое блюдо – *phassolada* – густой фасолево-томатно-морковный суп, который подается как основное блюдо, особенно когда к нему добавляется копченая селедка. Зато по воскресеньям и праздникам обязателен жареный ягненок или козленок с картошкой, запеченной в мясном соусе.

Хотя у каждой области есть свои традиционные местные блюда (например, сочное мясо, приготовленное с различными орехами и сухофруктами, или пироги с оригинальной начинкой меж тончайших слоев домашнего теста, или красочные фаршированные овощи), общая тенденция в повседневной еде – жаркое и тушеные блюда.

Как правило, еда готовится в полупрозрачном золотисто-зеленом оливковом масле или на маргарине, а поскольку к этому часто добавляются спелые помидоры, все плавает в ярко-красном аппетитном соусе, в который так вкусно обмакивать кусочки свежего хлеба. «Белые» блюда приправляются соком свежих лимонов или густым лимонно-яичным соусом.

«Хорошее мясо» для греков – это мясо молодых животных: телят, ягнят, козлят, молочных поросят, весенних цыплят. А серебро и золото средиземноморской рыбы! Морской или золотоголовый лещ, морской окунь, красная кефаль, сардины, снеток, которые так отличаются по вкусу от своих океанических братьев – они мельче и вкуснее, – составляют основу многих нежных и ароматных блюд. Ракообразных, головоногих и моллюсков – жаренных в кипящем масле на сковороде или на гриле, или же сырых – едят как закуски, от которых слюнки текут, или как главное блюдо.

Овощи – все виды свежей фасоли, баклажаны, окра, тонюсенькие кабачки, артишоки, картофель, перец, свекла, брокколи и многое другое – готовятся как основное блюдо или часть мясного рагу, и редко подаются в качестве гарнира.

Греки – сладкоежки, поэтому несть числа разнообразным пирожным и сладостям, которые они производят. Они варят варенье и джемы из всевозможных фруктов, а также из розовых лепестков, цветов померанца, арбузных корочек и даже крошечных баклажанчиков. Они выпекают сотни сортов греческого традиционного хлеба, тортов и печенья, а чтобы жизнь совсем казалось сладкой, импортируют всевозможные западные и восточные сладости, в том числе из хрустящего слоеного теста с залитыми густым сладким тягучим сиропом толчеными орехами и пряностями.

Часы приема пищи в Греции такие же беспорядочные как сами греки: ланч между 13.30 и 17.30 – в зависимости от рабочего расписания обедающего, а ужин после 10 вечера. Понятия послеполуденного чая не существует, хотя чашка кофе по завершении сиесты всячески приветствуется.

Все греки утверждают, что никогда не завтракают (как будто завтрак является какой-то порочной привычкой!), и обычно они выпивают в 7.30 утра чашечку кофе, черного или с молоком, с сухариками или печеньем. Часов в 11, испытывая настоятельную потребность подкрепиться, они съедают «*tyropitta*» – слоеный пирожок, начиненный горячей расплавленной брынзой, или что-нибудь еще из 1001 соблазнительного образчика выпечки, которые предлагают пекарни, булочные и закулочные.

Около полудня те, у кого есть время, встречаются с друзьями за аперитивом (узо или пиво) и «*poikilia*» – горячими или холодными закусками, что само по себе является полноценным обедом.

В последние годы виски практически завоевало статус национального напитка. Даже в крошечных деревнях, далеко от столицы, огненные местные напитки – «*rakia*» или «*tsikoudia*» теперь оттеснены на второе место. Греки выпивают 45 миллионов бутылок виски в год – больше на душу населения, чем где-либо в мире.

Встреча с друзьями, случайная или запланированная – всегда достойный повод выпить по одной (или по несколько) в любое время дня и ночи, так как в Греции нет ограничения на продажу алкоголя. Но греки очень редко пьют в одиночку и соответственно не страдают проблемой алкоголизма.

Повседневный обед очень прост – всего одно блюдо, например, баклажаны с телячьим фаршем и помидорами, или свинина с сельдереем, или цыплята с окрой – плюс салат из зелени или из помидоров.

Сыр, особенно мягкая рассыпчатая белая брынза из овечьего или козьего молока, подается во время еды, а не в конце трапезы, и время от времени кусочки еды на вилке обмакиваются в мясной соус или салатную заправку.

Восхитительные, прогретые солнцем, фрукты, в таком изобилии имеющиеся в Греции, – традиционный десерт, а трапезу завершает греческий кофе. Он подается черным, в маленьких чашечках, в одной из многочисленных вариаций на тему соотношения количества кофе, сахара и воды. Для греков настоящий кофе – это когда сверху обязательно плавает густая жирная коричневая пенка, а на дне – полусантиметровый мутный осадок. Ценители кофе пьют его обжигающе горячим, маленькими глоточками, выпуская после каждого глотка глубокий вздох удовлетворения.

КУЛЬТУРА

В сравнении с классической, современная греческая культура – всего лишь короткая патетическая сноска в монументальном фолианте. Однако если судить о ней как таковой, без бремени классического наследия, она не так уж и незначительна.

Греческие писатели и поэты (среди которых есть два нобелевских лауреата) создали и продолжают создавать произведения, которые могли бы оказать значительное влияние на мировую литературу, если были бы написаны на языке, который понимал хоть кто-нибудь, кроме греков. Композиторы, артисты и художники чаще получают международное признание за свои произведения. Фактически обычно они сначала получают признание за рубежом, и лишь потом уже рукоплескания соотечественников.

Все это, однако, далеко от среднестатистического грека. Существуют семьи, где единственные книги, достойные занять место в доме – позолоченные тома энциклопедий, да и те допущены исключительно в декоративных целях. Матери говорят детям: «Я же купила тебе книгу в прошлом году, зачем тебе еще одна?»

Большинство греков не читают ничего более серьезного, чем газеты и популярные журналы, и чем больше там сенсаций – тем лучше. Книги, пользующиеся наибольшим спросом – бестселлеры или скверные издания в бумажных обложках – романы, детективы, любовные истории, переводные или греческих авторов. Серьезные произведения редко расходятся больше чем в паре тысяч экземпляров, поскольку только каждый четвертый грек прочитывает хотя бы одну книгу в год. То же относится к музыке, театру и изящным искусствам – когда появляется что-то действительно прекрасное, этим наслаждается только элита. Классическая музыка передается по радио редко, обычно только тогда, когда умирает кто-то из знаменитостей. В итоге в современной Греции культура и средний грек – это два поезда, идущие по параллельным путям: им не суждено столкнуться.

Музыка – как много в этом звуке...

С другой стороны, когда стихи замечательных греческих поэтов, таких как Гадос, Ригос или лауреаты Нобелевской премии Сеферис и Элитис, перекладываются на популярную музыку композиторов калибра Теодоракиса или Хадзидакиса, их поют по всей стране. В этих замечательных эллиптических виршах поется о любви и предательстве, радости и смерти, былой славе и проигранных битвах.

Первая ласточка нам предвещает весну,
Трудно заставить нам солнце вставать и садиться,
Нужно, чтоб тысячи мертвых толкали колеса,
Нужно, чтоб сотни живых свою кровь отдавали.

На прибрежном песке золотом
Я написал ее имя.
Но вот пролетел ветерок,
И буквы засыпал песок.

Не оплакивай нацию римлян –
Лишь наступит момент подчиниться,
Лишь ярмо поднесут к нашей шее,
Мы воспрянем, сильные духам,
Обретем вмиг отвагу и храбрость,
И дракона пронзим пикой Солнца.

Героические и горькие, часто мелодраматические слова песен моментально находят отклик в греческих сердцах, о чем Эдит Гамильтон однажды сказала: «Они никогда не бывают грустными. Они просто становятся элегичными».

Для экстравертов-греков вполне естественно изливать душу через эмоциональный язык музыки – и при определенных обстоятельствах они добиваются успеха. Мелодия «*Never on Sunday*» представляет типичную популярную форму настоящей *rembetica* – это песни, которые берут свое начало в субкультуре полусвета (*rembetis* в общем-то означает бандит и хулиган). Эта музыка, а также народные мелодии вместе с современными произведениями, навеянными ими, выражают сущность того, что значит быть греком.

Лежащие в основе большинства старых *rembetica* грусть и чувство потери делает их схожими с ирландскими балладами. Их поют под бреление похожих на мандолину «бузуки», и их кадансы (обычно четыре-пять тем в различных вариациях) имеют тысячелетнюю историю – эхо множества ушедших цивилизаций.

Греки постоянно цитируют слова песен в повседневной речи. А поскольку в большинстве из них рассказывается какая-нибудь история или содержится какая-то мораль, практически нет такой ситуации, к которой не подошла бы цитата из той или иной песни:

Вновь ты вернулась домой лишь под утро!
 Что ты, безумная, делаешь с жизнью своей!
 Одумайся же, соберись и возьми себя в руки,
 Иначе умрешь в нищете на подстилке, забытая всеми!

Спина к спине, в одной кровати,
 Укрывшись эго вместо одеяла.

В жизни пред каждым много открыто дорог.
 Одну выбираешь и смотришь, куда приведет.
 Но есть и дурная, плохая, кривая дорожка,
 Которая не доведет до добра...

Только две двери у жизни. Одну я открыл и вошел.
 Праздно гулял целый день, а как вечер спустился,
 Вышел я через другую.

Все это звучит прекрасно, но есть и ложка дегтя. Большинство греков считает, что чем громче музыка, тем лучше; поэтому очень часто в заведениях, где играют живые бузуки, используют динамики, делающие честь олимпийским стадионам.

Знатоки, однако, собираются в тавернах, где электрооборудование для певцов и музыкантов сведено к минимуму или где им вообще не пользуются. Воздух тут пропитан сигаретным дымом и раскаленными эмоциями. Здесь также можно увидеть великолепное исполнение выразительных старинных танцев – торжественных и веселых, или полных восточной чувственности. Один такой танец описан художником и юмористом Бостом:

«Мужчина – в расстегнутом сюртуке, сигарета свисает с уголка губ, горькое выражение, глаза долу – стоит неподвижно в центре. Слово балансируя, он раскрывает руки, как распахивает крылья огромная раненая птица, – и начинает. Он отличный танцор. Он принадлежит другому миру – ему наплевать на нас, мы для него не существуем, – он танцует только для себя. Торжественный, гордый и смелый человек, который не в ладах с Богом и который бросает вызов Смерти. Смерть старается схватить его, человек делает неуверенные шаги в сторону, чтобы избежать Смерти. В конце он спасется, будучи более хитрым и бесстрашным, чем Смерть. Намеренно ритуалистическими движениями он перемещается то вправо, то влево. Каждый шаг взвешен и изучен, будто он идет по минному полю».

Поскольку греки – ночные птички, все подобные развлечения начинаются около полуночи, а звезды представлений появляются не раньше часа ночи. (Рейды полиции в целях заставить правительство приучить греков ложиться спать раньше считаются досадными помехами.)

Никого не волнует, что завтра – рабочий день. Счастливые после ночи утоленной необузданной страсти к музыке, они, шатаясь, побредут к своим постелям, поспят несколько часов и отправятся в свои офисы со слезящимися красными глазками енотов.

ЯЗЫК

Греческий язык гораздо меньше изменился со времен Платона (IV в. до нашей эры) до наших дней, чем, скажем, английский со времен Чосера (XIV в. нашей эры).

На протяжении веков греческий был языком общения древнего мира в районе Средиземноморья. Это был язык культуры и торговли, язык, который пропагандировал новые идеи, такие как христианство.

Ни один образованный римлянин не мог обойтись без греческого языка, и поэтому тысячи слов проникли в латынь и оттуда – через средневековых школяров и ученых эпохи Возрождения, которые говорили по-гречески так же бегло, как по-латыни, – перешли в современные европейские языки. В одном только английском языке около трети всего словарного запаса – слова или греческого происхождения, или транскрипция с греческого. Помимо медицинских, научных и литературных терминов, а также сотен названий растений, животных и химических элементов, слова греческого происхождения в современном языке представлены в диапазоне от «авто» до «ямба».

Если бы не греки, которые первыми назвали Иешуа Иисусом, дав ему фамилию Христос, что означает «помазанник», где бы было сейчас христианство? У церкви не было бы Библии, ангелов, апостолов, епископов, гимнов, хора, апокрифов, монахов, идолов, литургии, еретиков и атеистов, дьяволов и сатанистов, демонов и догм.

Не было бы ничего мистического, эфемерного, трагического, магнетического, демократического, ностальгического или автоматического. Никто не был бы патриотичным, флегматичным, анемичным, дипломатичным, доминирующим, гармоничным, европейским, нервным, истеричным, ироничным и никто не писал бы анонимных писем.

У военных не было бы ни стратегии, ни тактики, ни героев, а у всех – политики, этики, аристократии. Было бы скучно без психов и нимфоманок, анархистов и шизофреников, а также технократов, в школах не преподавали бы историю и географию, а красавицы не носили бы тиаар с диамантами и не изводили бы себя диетами.

Искусство не имело бы театров, поэтов, драматургов, сцен, комедий, трагедий, кинематографа, акробатов, фотографов, музыка лишились бы аккордов, мелодий, симфоний, оркестров, литература – критиков, а программисты – программ.

А технологиям недоставало бы идей, архитекторов, гидравлики, электриков с их лампами, полиуретана, и в конце концов, атомной бомбы.

Современный греческий язык может и лишился большинства классических украшений, но все же сохранил в неизменности более 80 процентов оригинального словарного запаса. Все остальные слова – заимствования из французского, английского, итальянского, турецкого и других языков – свидетельствуют о многочисленности культурных влияний. Например, греки говорят «пат», «маникюр», «троллейбус», «гол», «тост», «адъё» и «ОК».

Своеобразная «война языков» веками ведется между литераторами левого и правого крыла. Последние хотят, чтобы греки говорили на «чистом» греческом, то есть почти на том, на котором были написаны евангелия, а первые хотят очень упрощенного «демократического» греческого языка – того, на котором говорят на улице, потому что покончить с прошлым и его аристократическим языком – свидетельство прогресса. Это все равно, как если бы британцы решили распрощаться с «королевским английским» и начать обучение в школах на «кокни».

Существует, конечно, золотая середина, но она игнорируется политиками, поэтому в зависимости от того, какая партия находится у власти, греческий язык балансирует между двумя крайностями, а бедные школьники мучаются посередине, как дети разведенных родителей.

ЧУВСТВО ЮМОРА

Хотя многие греки обладают великолепным чувством юмора и острым умом, чем наслаждаются и что лучше всего понимают массы в своей основе – это грубые шутки, изобилующие вульгарными сексуальными терминами. Новая буржуазия ведет себя так, будто только что обнаружила у себя существование гениталий, и потому не говорит, а вернее – не хихикает, ни над чем другим.

Каждый театральный сезон в переполненных театрах идет как минимум полдюжины спектаклей, где политическая сатира (главный элемент любого греческого представления) переплетается с примитивными сексуальными намеками – причем часто в стихах и на мотив популярных песен. Например, можно услышать, что у одного известного политика такие огромные яйца, что он может ими поле пропахать, когда идет. Другого считают таким слабым

политиком, что у него вообще не встает, про третьего, непопулярного, говорят, что он уже всех затрахал своими указами, а все экономические меры (вне зависимости от того, кто находится у власти) характеризуются как огурец в заднице рабочего класса.

Поскольку с послевоенных времен греческое общество все еще проходит через фазу затянувшегося отрочества, такого феномена можно было ожидать. К счастью, истинный ум живет, несмотря на происки вульгарности, и, что отрадно, не является привилегией только образованных. Если уж говорить об этом, спонтанность и оригинальность ценится больше, когда их меньше всего ожидаешь.

Почти неграмотный критский крестьянин, ухаживающий за могилами на немецком кладбище в Малеме (место критского сражения) – получил выговор (через переводчика) от заезжего германского генерала. Тот хотел знать, почему служащий германского правительства не может изъясняться на языке Гете. С апломбом Аристофана критянин изложил причину: «Друг мой, скажи доброму генералу, что мои немцы не разговаривают».

Игра слов и каламбур – обычный элемент повседневной речи, которая порой принимает неожиданные обороты, поскольку греки склонны заимствовать иностранное слово и склонять его по правилам греческой грамматики, добавляя к нему странные, казалось бы, окончания. Таким образом разговорный греческий язык становится еще более непостижимым для тех, для кого он родным не является.

Греки любят шутки и анекдоты, и всегда найдут минутку, чтобы рассказать друзьям самый последний из очередного модного цикла. Никогда не выходящий из моды персонаж – не стесняющийся в выражениях, сексуально озабоченный мальчик Бобос (ну просто вылитый Вовочка):

Учительница объясняет классу «факты жизни», заключая, что после полового созревания маленькие девочки могут забеременеть, если не будут предохраняться. «Значит, у меня может быть ребенок?» – спрашивает девятилетняя Мария. «Маловероятно, но да, бывали случаи», – отвечает учительница. «А у меня?» – пищит пятилетняя Елена. «У тебя? Конечно, нет!» С задней парты доносится голос Бобоса: «Ну, я же говорил тебе. Елена, что нам не о чем беспокоиться!»

РАЗГОВОР И ЖЕСТЫ

Грек не может разговаривать, если у него заняты руки, и тихий грек – это тот, которого слышно не дальше соседней улицы. Двое дружески беседующих греков звучат так, будто они готовы поубивать друг друга, а компания неудержимо веселящихся эллинов подобна своре гончих, завидевших лисицу.

Поскольку греки по характеру законченные экстраверты, между абсолютными незнакомцами и в самых неожиданных местах могут вспыхнуть горячие дискуссии по самым разным вопросам во главе с политикой. Греки возвещают о своих взглядах не только в бесчисленных кофейнях, но и на улицах, в автобусах или в маршрутных такси. Такие дебаты могут продолжаться как угодно долго, и собеседники, не считая необходимым даже представиться друг другу, иллюстрируют свои аргументы такими примерами из частной жизни, которыми детям других народов в голову не придет делиться даже с самыми близкими друзьями. Дебаты окончены, и они расстаются такими же незнакомцами, как и раньше.

Среднестатистический грек имеет свои собственные определенные взгляды на все – от полетов в космос до цен на помидоры. Ему также нравится философствовать на тему жизни и природы вещей вообще, с использованием банальных афоризмов – занятие, которое получило название «винной философии», поскольку напоминает праздную болтовню пьяных бездельников.

Греки любят сами себя слушать, и когда они увлечены собственной риторикой, дикие преувеличения и широкие обобщения легко могут ввести в заблуждение ни о чем не подозревающих иноземцев: есть туристы, которые покидают Грецию в твердом убеждении, что греки все еще поклоняются двенадцати Олимпийским богам.

С искренним оскорблением...

Приветствуя кого-то издали, можно прокричать «*yia sou*» и помахать рукой, но будьте осторожны, никогда не поворачивайте ладонь к собеседнику, растопырив пальцы. Это серьезное оскорбление (типа «глаза выколю!»), и обычно оно приберегается для тех участников дорожного движения, чьи навыки вождения не встречают вашего одобрения.

Когда сердитый грек находится среди незнакомцев, он старается не казаться вульгарным и не использует слова и жесты, не присущие его положению в обществе. Но среди друзей оскорбительные жесты очень популярны и используются в шутливой манере.

Один такой жест, означающий, что плевать он хотел на чье-то мнение, требование или даже угрозу, представляет собой интенсивное движение рукой как бы вниз и внутрь в направлении причинного места, и иллюстрирует выражение «А шел бы ты на три буквы!». Причем это выражение обычно вербально сопровождает упомянутый жест. А подробное толкование всего этого таково: то, что ты мне говоришь, настолько неинтересно, что если бы я вздумал записать это, то использовал бы для этого место, совершенно непригодное для письма. (Далее следует перечисление этих самых возможных мест).

Реже встречающийся, но более оскорбительный жест, похож на весьма знакомый поднятый вверх средний палец, означающий «В ж...!», только ладонь руки повернута боком, и палец совершает горизонтальные движения туда-сюда. Очевидное значение этого жеста – «*fuck you!*» (да простят мне англицизм!).

Когда хотят показать, что кто-то настолько плох, что с ним невозможно иметь дело, говорят или просто *lera* (сволочь), или «Храни тебя Господь!», но при этом берут лацкан пиджака кончиками пальцев и как бы стряхивают с него пыль.

Выражение «Все ты врешь!» изображается поглаживанием тыльной стороной пальцев правой щеки, как будто проверяя, не пора ли побриться, сопровождая жест сленговым словом *ksures*, что примерно можно перевести как «старый хрыч».

Греки и гречанки во всех слоях общества обильно уснащают свою речь ругательствами, причем не только в гневе или раздражении, но и в шутку, как выражение дружеской ласки. Оригинальность и красочная образность греческого крепкого словца варьируется от обычных ругательств до сексуальных аллюзий, которые заставят покраснеть и матроса.

Самое распространенное словечко – *malakos* (дрочила) во всех его формах, со значениями начиная от «тупой придурок» до «хороший честный парень» или «дорогой товарищ». Производное существительное от этого слова, означающее конечный продукт, *malakia*, в обычном смысле имеет значение «чушь, ерунда», но также используется для описания совершенных ошибок или же поступков, не вызывающих одобрения.

Gato to! (*fuck*), как и его производные, используется более или менее как «черт побери!» и если произносится не в гневе, то является обычным междометием.

А уж если ругаться по-серьезному, то к *gato* добавляются или родственники, или святое семейство, например, «...твою мать!/отца!/всю семью!/Бога!/Святой крест!/Деву Марию!» и так далее, в зависимости от полета фантазии говорящего. (Приз достался старому моряку, который любил говаривать: «...бочку святых с Христом в качестве крышки!»)

Поскольку это и в самом деле серьезное оскорбление, то если надо показать, что вы только выпускаете пар, надо поменять «твою» на «мою». Это лишает собеседника законного основания отплатить вам той же монетой. Все вышеуказанные выражения, как и в русском языке, можно употреблять без глагола, то есть «твою мать!» и т.д. – смысл тот же, но звучит не так грубо.

Множество других прекрасных цветов растет в красочном саду греческой засловарной лексики.

Например, «у меня огурец в заднице» означает «я выполняю очень сложную работу». «У нее/него большая ж...» значит, что им необычайно везет. «Иди к дьяволу!» или даже «Наклась на меня!» значит «Я с тобой не согласен/Оставь меня в покое!». «Бог дал ему крайнюю плоть, а он открыл сыромятную» означает, что тот, о ком говорят, ни к чему не пригоден, кроме бесконечного мастурбирования. «Берегись, а то я сброшу тебя в яму с пальцами в ж...» не нуждается в разъяснении. Про человека занудного, раздражающего говорят: «У меня от него

яйца распухли». «Вытащи палец из ж...» означает «Иди работай!», в то время, как если кого-то надо заставить работать, говорят, что «ему надо палец в ж... засунуть». На вопрос «Что мне с этим делать?» существует известный ответ «Сверни в трубочку и засунь себе в задницу!», даже если обсуждаемый предмет – шкаф.

Если просто обзывать кого-то, то *putana* и *pustis* (педераст) – самые оскорбительные слова, и они употребляются в комбинации со всеми вышеупомянутыми выражениями, а глаголы от этих слов означают оказывать кому-то плохую услугу или совершать за спиной кого-то действия, достойные порицания. *Keratas* – рогоносец – используется как мягкая брань и не зависит от буквального значения.

Потом, естественно, есть выражение «осел» или «мул» для характеристики грубого невоспитанного человека. Ну и под конец, поскольку уши уже вянут, выучим еще одно греческое слово: *Skasse*! – «Заткнись!»

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ

В Греции все верят в силу дурного глаза, несмотря на то, что будут утверждать обратное. Не встретишь ребенка, который не носил бы в качестве амулета бирюзовую бусинку, иногда с нарисованным на ней глазом. По той же причине бусы из бирюзы украшают шеи лошадей и ослов в деревнях и зеркала заднего обзора в городах.

Смесь традиций и предрассудков проходят через различные аспекты греческой жизни. Например, грек никогда не осмелится похвалить чью-то элегантность и красоту, особенно детей, без того, чтобы трижды не сплюнуть и не постучать по дереву. Делается это, чтобы отвести зависть богов, когда вы кого-то хвалите.

У греков считается плохой приметой (и дурными манерами) не предложить чего-нибудь выпить любому, кто придет к ним в дом, независимо от времени суток и непродолжительности визита. Когда-то это была ложечка сладкого варенья на блюдечке со стаканом воды, но в наши дни это может быть все что угодно: кофе, пирожные, шоколадные конфеты, мороженое или алкогольные напитки.

Гости играют важную роль в непрерывности процветания дома. Например, если гость не собирается остаться на ночь, он не должен причесываться или стричь ногти, пока находится в гостях, и особенно важен тот гость, который первым переступит порог дома в новом году.

Поэтому в качестве ранних утренних гостей стараются приглашать людей доброжелательных. Входя в дом, они должны переступить порог правой ногой, одновременно желая семье счастливого Нового года. В старые времена они должны были принести с собой плод граната и, войдя в дом, швырнуть его на пол; разлетевшиеся зерна, по поверью, должны были приносить процветание весь оставшийся год.

Большинство обычаев связано с религиозными обрядами или праздниками, хотя многие из них – языческого происхождения, разве что слегка отбеленные порцией христианства. Как правило, греки не особенно религиозны, во всяком случае они далеко не фанатики и не лицемеры, потому что греческая православная церковь не сует нос в их личную жизнь и не страшит их геенной огненной, если они вдруг пропустят службу.

Религиозные традиции, восходящие к дохристианским временам, – это приношения по обету: люди, которые больны, или те, чьей жизни угрожает опасность, дают обет поднести выбранному святому знак своей благодарности, своего рода взятку за ходатайство перед богом. Это может быть все что угодно – от постройки часовни до возжигания свечи.

Также греки подносят *tama* – тонкие серебряные таблички с уменьшенным рельефом или моделью того, что просили уберечь от зла или вылечить – сердца, глаза, ноги, руки, детей, а порой даже дома, лодки, яхты и автомашины.

Эти приношения украшают рамки икон святых, икон, которые считаются не просто живописью, но святыми сами по себе. О некоторых иконах говорят, что они творят чудеса, и икона Богородицы с острова Тинос, например, привлекает больше пилигримов, чем Лурд.

Очаровательный обычай, относящийся к обряду крещения ребенка: крестные должны подарить ему золотой крестик на цепочке плюс полный набор воскресных туалетов, включая

ботиночки, а то будет считаться, что крестник пойдет по жизни спотыкаясь, и у него никогда не будет достаточно одежды.

Жизнь после смерти

Безудержный оптимизм греков нигде так не проявляется, как в их похоронных обрядах. Поскольку никто не считает себя грешником, каждый убежден, что когда умрет – попадет на небеса, на специально зарезервированное для него облачко. Поэтому мысли о смерти особого ужаса не вызывают.

Греческие похороны – это тщательно разработанное мероприятие, за которым следует неизбежное угощение – кофе и бренди – для тех, кто пришел проводить покойного, а для близких родственников и друзей устраиваются также поминки с рыбным меню.

Памятные службы совершаются на 40-й день после смерти, и тогда едят ложечками восхитительную смесь из вареных пшеничных зерен, разнообразных орехов, семечек, изюма и сахара.

Поскольку кремация противна догматам Греческой православной церкви, греки после смерти покоятся в могилах из мрамора, увенчанных большими белыми мраморными же крестами. Через три года после погребения кости выкапывают и помещают в семейные усыпальницы, решая таким образом проблему перенаселения кладбищ. Цветы, свежие или искусственные, и постоянно горящие масляные лампы в замысловатых стеклянных светильниках являются стандартным украшением могил. Яркие разноцветные пластмассовые ведерки нелепо висят за могилами – свидетельство того, что преданные родственники регулярно моют мраморные плиты.

Кладбища ежедневно с утра до вечера полны народу, и священники в нарядном облачении расхаживают взад-вперед по аллеям, готовые откликнуться на призыв любого, кому вдруг вздумается заказать 10-минутную поминальную службу у могилы родственника или близкого друга. Ночью ярко горящие светильники под высокими кипарисами придают греческим кладбищам спокойную и безмятежную атмосферу, где нет места страшным призракам.

Вера греков в загробную жизнь (причем в жизнь хорошую и комфортабельную) означает, что праздник Пасхи становится главным религиозным событием. Начинается он со Страстной недели, во время которой практически все блюдет пост и забегают в церковь, пусть даже всего один раз и на несколько минут, чтобы отстоять специальную службу. В Страстную пятницу совершается процессия украшения цветами Гроба Господня, и завершается кульминация в Великую субботу полуночной службой под открытым небом. Наконец, шутихи и фейерверки разукрашивают ночное небо, возвещая воскрешение Христа, и улицы наполняются людьми, несущими домой зажженные свечи.

Пасхальное воскресенье немыслимо без жаренного на вертеле барашка и без разбивания раскрашенных крутых пасхальных яиц со всеми, кто присутствует на празднике. Один держит яйцо в кулаке, другой ударяет его своим яйцом. Последний говорит: «Христос воскрес!», а первый отвечает: «Воистину воскрес!». Потом яйца переворачиваются, и процедура повторяется. В конце концов каждая семья остается с горой крутых яиц, которые на следующий день режутся в салат.

Что, где и как продают

Греческие магазины работают в очень странные часы, которые варьируются ото дня ко дню, от лета к зиме и даже в зависимости от того, что в них продается.

Магазины, которые открыты всегда, – это киоски, обычно расположенные на углах тротуаров и увешанные гирляндами газет и журналов. Внутри сидит продавец, который торгует сигаретами, шоколадом, почтовыми марками, автобусными билетами и еще миллионом и одним предметом – от мороженого и прохладительных напитков до игральные карты, аспирин и презервативов – в зависимости от того, насколько предприимчив владделец. Если киоск находится на бойком месте и встроен в стену дома, невозможно перечислить все, что может там продаваться.

В некоторых магазинах встречаются интересные комбинации товаров. Например, аптеки (*farmakeon*) продают лекарства, косметику и ортопедическую обувь, в пекарнях могут продавать молоко, йогурт и прохладительные напитки. Там также можно по вашей просьбе (и за ваши деньги) зажарить любое блюдо или испечь хлеб или печенье, которое вы приготовили. Вам даже могут одолжить огромные черные противни.

Вина и другие крепкие напитки могут продаваться в любом продуктовом магазине в любое время суток, так как на это не нужно специальной лицензии, как в некоторых странах, с одним лишь исключением: в дни выборов можно купить бутылку, но распить придется дома, а не в публичном месте, если только вы не уговорите официанта налить вам виски в кофейную чашечку.

ЗДОРОВЬЕ И ГИГИЕНА

В отношении своего здоровья греки уподобляются страусам, веря, что если они не будут рассказывать врачу о своих недомоганиях, болезнь уйдет сама собой. Зато подробное описание их страданий (вплоть до самых малозначительных деталей) придется выслушать тому, кто не успеет убежать, а поскольку каждый второй грек мнит себя Гиппократом, страдалец получает в ответ множество диагнозов и советов по излечению. В общем-то греки рассматривают болезнь и здоровье как предопределение свыше, говоря: «Когда масло в лампаде кончается, ни святые, ни доктора не помогут».

Хотя греки и не любят ходить по врачам, лекарства они принимают не задумываясь – поэтому в Греции так много аптек; фармацевтический бизнес процветает. Большинство лекарств, включая противозачаточные средства, продаются без рецепта, поэтому антибиотики и другие пилюли глотаются как леденцы. Греку в голову не придет проконсультироваться у врача насчет того, поможет ли ему лекарство, которое вылечило похожие симптомы у троюродного брата соседа. Они просто купят его и будут принимать, и к черту последствия!

Однако когда доктор прописывает лечение, греки редко выполняют все предписания до конца. Один врач говорит, что только 50 процентов из тех, кому следует обратиться к врачу, пойдут к доктору до того, как их состояние значительно ухудшится. Из тех, кто все же добирается до эскулапа, лишь половина получает предписания, и опять же только половина из них принимает прописанное лекарство. Менее половины из этой последней группы проходит полный курс лечения и возвращается к доктору для того, чтобы убедиться, что вылечились. Не трудитесь считать: выходит 5 процентов от первоначального числа.

Ипохондрики встречаются редко, а единственные микробы, которых боится среднестатистический грек – это те, что переносятся бродячими собаками и кошками (или домашними животными соседа). Поэтому очень немногие верят в профилактическую медицину, рассматривая докторов как неизбежное зло, то есть идут к ним только тогда, когда все другие методы оказались бессильны.

Несмотря на тот факт, что 8 из 10 греков имеют право на бесплатную медицинскую помощь и отчисляют лишь небольшой процент от своих зарплат на расходы по пребыванию в больнице и покупке лекарств, национальная система здравоохранения (и медицинская помощь более высокого качества, предоставляемая различными союзами своим членам) не удовлетворяет их требованиям. Коррупция, свойственная греческому общественному сектору, нигде не проявляется столь очевидно, как в большинстве государственных больниц в отношении качества предоставляемых ими услуг.

По слухам, сунув оперирующему хирургу конвертик со значительной суммой, можно обеспечить особое отношение к пациенту. Распределение по палатам и койкам также часто зависит от взяток, и хотя медсестры – истинные «ангелы милосердия», большое число санитаров и сиделок работают скорее как гостиничный персонал – то есть чем больше чаевые (полученные заранее), тем лучше уход.

Государственные больницы могут выглядеть так, как будто находятся в странах третьего мира, но за обшарпанным фасадом и за дверями неухоженных палат они иногда могут похвастаться самыми лучшими докторами и сиделками в мире. Порядок и чистота, или

отсутствие таковых, – результат управления больницей, что не имеет ничего общего с медицинским персоналом.

Фактор, придающий греческим больницам внешнее сходство с лагерями беженцев, – это многочисленные родственники пациентов, которые приходят и уходят когда им вздумается, в любые часы (а то и ночью в палате), пребывая там не в качестве визитеров, а в качестве частных сиделок, и действительно обеспечивая надлежащий уход за своим родными. В среднем за день насчитывается до четырех таких визитеров на каждого пациента.

Не удивительно поэтому, что те греки, которые могут себе это позволить, или кому позволяет страховка, предпочитают роскошь частных клиник. Беда лишь в том, что в этих пятизвездочных условиях не всегда может быть гарантировано пятизвездочное медицинское обслуживание.

Чистота

Греки занимают второе после японцев место в мире по чистоте. Чистить и скрести дом – дело чести и любимое занятие по меньшей мере 90 процентов греческих домохозяек. Отсюда известная поговорка: «Чистота составляет половину благородства». Поскольку у греков нет никакого чувства приватности, все двери комнат в доме, кроме разве что ванной, всегда нараспашку, чтобы каждый мог убедиться, что хозяйка не пытается скрыть беспорядок.

Гречанки необычайно гордятся своими домами. Даже если они работают, оставшиеся часы они посвящают содержанию дома в чистоте и порядке и выполнению желаний своих близких. У них есть все современные кухонные агрегаты, но только тяжелая работа заставляет крутиться машину домохозяйства, – особенно поскольку большинство мужей, подобно настоящим восточным пашам, ожидают, что их будут обслуживать не за страх, а за совесть. Сами же они считают «немужским» делом дома даже пальцем пошевелинуть.

К счастью, в последние годы до греческих домов дошло самое лучшее кухонное изобретение: филиппинские девушки. Никто не знает, с чего это началось, но явление распространилось как лесной пожар, и теперь в Греции насчитывается около полумиллиона филиппинских горничных – половина из них работает нелегально. Прибавьте к этому гречанок из Северного Эпира и из Албании, которые работают поденщицами, – и будущее греческих домохозяек выглядит намного безоблачнее, чем раньше.

Забота о чистоте, которую греки щедро расточают на свои дома, почему-то никак не распространяется на окружающую среду. Часто можно видеть, как они моют тротуары перед своими домами или белят стволы близрастущих деревьев, однако они же – злостные нарушители санитарных правил, и каждое лето в средствах массовой информации проводятся специальные кампании, которые призывают содержать в чистоте пляжи и природу.

Личная гигиена

С точки зрения статистики, среднее количество приема душа в пересчете на душу (пардон, тело) населения весьма впечатляет. По меньшей мере 50 процентов греков принимают душ и переодеваются три раза в день. Другая половина, однако, не считает необходимым залезать под душ хотя бы раз в сутки. Поэтому лучше летом избегать поездок в автобусах в час пик.

Около 99 процентов женщин используют те или иные средства для ног и подмышек, и рынок дезодорантов процветает. Большинство мужчин, правда, используют только лосьоны после бритья, считая употребление дезодорантов делом женским.

Очень грязные греки обычно бывают одного из трех видов:

Старые крестьяне, которые верят, что купание более двух раз в год опасно для здоровья;

Нелегальные иммигранты из Албании, которые прошли весь путь до Греции пешком и возможно не мылись со времени падения коммунистического режима в их стране;

Цыганские женщины, которые этим изо всех сил стараются убедить прохожих, что они настолько бедны, что лишь стодрахмовая монета может спасти их от гибели. Эти женщины обычно таскают на руках таких же замызганных младенцев, которых берут напрокат у матерей за процент от выручки.

Несмотря на то, что во многие блюда греческой кухни добавляется чеснок, дурной запах изо рта встречается редко. Зато много жуется резинки, обычно в лучших американских традициях – то есть с широко раскрытым ртом.

Греки не только производят много табака – они также много его выкуривают – ошеломляющие 28 миллиардов сигарет в год. Курение рассматривается тинейджерами как признак «современности», и принимая во внимание знаменитое греческое потакание своим желаниям, взрослым уже трудно покончить с устоявшейся привычкой.

Любимый ответ некурящим – высказывание одного греческого драматурга на смерть друга: «Бедняга. Доктора велели ему бросить курить, отказаться от женщин и рано ложиться спать. И что случилось? Он умер несчастным, но в отменном здоровье – его переехал автомобиль».

СИСТЕМЫ

Греческие системы и близко не стояли рядом с отлаженными как часовой механизм немецкими. Что-то в Греции работает (немножко), что-то нет (безо всяких на то причин), поэтому следует быть готовым ко всему. Беда в том, что даже само понятие «система» недоступно для понимания греков, хотя они постоянно ворчат, что их система не работает как следует.

В Афинах постоянно не хватает воды, да и сама система водоснабжения ужасно устарела, поэтому в периоды засухи афинянам приходится сокращать потребление воды или платить огромные штрафы. Засуха также считается причиной перебоев в энергоснабжении, что грозит всей стране внезапным погружением во тьму. Слишком много дождя и плохие погодные условия представляют ту же самую угрозу, поэтому Греция практически постоянно живет в условиях чрезвычайного положения.

Телефонная система работает не лучше: обычное дело – подслушать чей-то телефонный разговор, а также попасть на неправильный номер, а потом еще и заплатить за это.

Общественному транспорту незнакомо понятие расписания, а в час пик он представляет собой подтверждение старой аксиомы: нет такой жестянки, куда нельзя было бы впихнуть еще одну сардинку.

Местные авиарейсы тоже не грешат пунктуальностью, и хотя международные отправляются и прибывают более или менее вовремя, невозможно удержаться от шутки в адрес греческой национальной авиакомпании:

Самолет вот-вот должен приземлиться в Нью-Йорке, и пилот запрашивает диспетчера о местном времени. «Если вы Delta, – отвечает тот, – время четырнадцать ноль-ноль, если вы Air France, сейчас два часа, а если вы Olympic Airways, – сегодня вторник».

Когда нужно поймать такси, его никогда не найдешь, хотя в Афинах больше такси, чем в любой другой европейской столице. Такси можно остановить на улице, даже если оно уже занято. Как только машина начнет притормаживать, нужно быстро прокричать водителю примерное направление вашей поездки, и если оно совпадет с тем, куда едет другой пассажир, вас посадят, но придется оплатить полную стоимость, как если бы вы ехали один.

«В Греции, – гласит поговорка, – нет ничего более постоянного, чем временные меры». Однако намечающаяся приватизация большинства коммунальных служб и необходимость подтянуться до собратьев по Европейскому Союзу позволяет надеяться, что положение будет улучшаться, и страна окажется не в такой сильной зависимости от временных мер.

Впрочем, с другой стороны, в равной степени возможно и то, что в Объединенной Европе греки будут оказывать дурное влияние на остальных европейцев, развращая их своими убеждениями, что надо больше наслаждаться жизнью, меньше работать и не думать о завтрашнем дне.

Одно неизбежно: где бы ни трудилось определенное количество греков, очень скоро данная конкретная система, в функционирование которой они вовлечены, начнет работать по-гречески.

Образование

Нет системы, на которую греки обрушивались бы с большей яростью, чем на систему образования в стране. Но, как обычно, никто ничего не делает для ее улучшения – и меньше всего учителя.

Формальное классическое образование, к примеру, более или менее предано забвению, будучи слишком сложным для детского восприятия, поэтому в школах дается лишь поверхностный обзор. Ошибки в правописании в классе не исправляются, чтобы не нанести психическую травму нежной детской душе. В большинстве школ не хватает классных комнат, поэтому дети учатся посменно. Частные школы, конечно, намного лучше, но они очень дороги.

Поступление в университеты (все – государственные) зависит от результатов сдачи общенациональных вступительных экзаменов, поэтому – поскольку мечтой каждого грека является получение его детьми хоть какого-то диплома, неважно в какой области, – на частное репетиторство тратятся целые состояния. Обычно тот же самый учитель, который утром не в состоянии вбить в голову ученикам школьную программу, во второй половине дня преобразуется и за огромные деньги делает это вполне успешно один на один с учеником. Те, кто все же проваливается на экзаменах, но чьи родители достаточно богаты, отправляются учиться за границу: поступить там намного легче, да и импортный диплом весьма престижен.

Высшее образование также помогает мальчикам получить отсрочку от тягот армейской службы (в стране обязательный 17-месячный срок службы для мужчин, а женские подразделения формируются из волонтеров), но служить им придется все равно, даже в возрасте 35 лет. Молодые призывники будут звать их «дедами» и безжалостно над ними издеваться, но избежать армии невозможно, разве что прикинуться идиотом или явиться на призывной пункт в наряде трансвестита.

Бойтесь греков, за баранкой сидящих...

Стальные нервы, рефлекс акробата на трапеции и исключительно бдительный ангел-хранитель – вот что необходимо водителю на дорогах Греции, если он хочет остаться живым и невредимым.

Греки относятся к приборной доске со смешанным чувством любви и ненависти, поэтому ни о чем не подозревающий автомобилист должен сам догадываться, собирается ли едущая перед ним машина перестроиться, свернуть, притормозить или просто внезапно остановиться без всякого предупреждения.

Проскочить знак «стоп», обогнать в неположенном месте, полностью проигнорировать кодекс дорожного движения – это, скорее, правило, чем исключение, так же как и использование звукового сигнала когда вздумается. Каков наименьший отрезок времени, регистрируемый человеческим мозгом? Время, прошедшее с момента, когда зажегся зеленый сигнал светофора, до момента, когда грек за вами нажимает на гудок.

Водитель в Греции должен обладать превосходным периферийным зрением и смотреть одновременно направо и налево, приближаясь к перекрестку, независимо от того, что говорят дорожные указатели. Правило, гласящее, что транспортное средство, едущее справа, имеет преимущество, вступает в силу лишь после столкновения, когда надо разобраться, кто виноват.

Мотоциклисты (как правило, без шлемов) снуют туда-сюда между автомобилями с беспечностью, от которой кровь стынет в жилах, и с показным пренебрежением игнорируют тот факт, что тротуары и пешеходные зоны действительно предназначены лишь для пешеходов.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Греческие законы в основном базируются на Германском Кодексе наказания (со времен первого короля современной Греции Отто, выходца из Баварской королевской семьи); это на практике означает, что в суде вы должны доказать свою невиновность. К счастью, не существует странных или устаревших законов, которыми нельзя было бы случайно пренебречь.

Все же, если вы хотите заставить грека сделать что-либо, лучше объявить, что этого делать нельзя. Когда в 1830 году в Грецию впервые был завезен картофель, власти Навплиона (где тогда располагалось правительство) решили раздать его голодающим семьям города. Несколько дней за картофелем никто не приходил – народ с подозрением отнесся к незнакомым клубням. Тогда шефа полиции осенила гениальная идея – он распорядился поставить вокруг картошки вооруженную охрану. На следующее утро не осталось ни одного мешка.

Греческие полицейские, как правило, вежливы и всегда готовы прийти на помощь, если только вы их не спровоцируете к обратному. Помимо преследования обычных преступников, их усилия сводятся к следующим постоянным задачам:

Поимка членов местной террористической группировки левого толка «17 ноября». Политические убийства, которые эти члены совершают, повергают греков в ужас, однако террористы, хоть и работают средь бела дня, по-прежнему неуловимы.

Задержание торговцев наркотиками, которые видят в Греции удобный перевалочный пункт на пути между маковыми полями Востока и рынками Запада.

Предотвращение вывоза греческих древностей из страны в чемоданах невинных с виду туристов, заявляющих, что подобрали несколько не имеющих ценности кусочков мрамора на сувениры. (Аргумент, не способный разжалобить полицию с тех пор, как лорд Элгин в 1802 году вывез пол-Парфенона, заявив, что это камни, не представляющие никакой ценности.)

Облавы на сотни албанских отщепенцев, которые как саранча налетели на Грецию после того, как Албания открыла свои границы, и последующая их депортация. Это – сизифов труд, поскольку албанцы снова возвращаются назад – граница проходит по слишком гористой местности, чтобы ее можно было успешно патрулировать. Нищие албанцы видят в Греции страну, где они могут работать (нелегально) и посылать деньги родным. Большинство, однако, пополняет ряды «албанской мафии» и практикует древнюю профессию – разбой. Они совершают набеги на сельскую местность и наиболее жалкие городские кварталы, разворовывая все, что не прибито гвоздями. Разборки и перестрелки между соперничающими группировками или даже с полицией – дело обычное. Не брезгают они также убийствами или случайным изнасилованием.

В плане условий проживания и удобств, а также питания, греческие тюрьмы не заслуживают рекомендации, хотя к сидящим там иностранцам отношение лучше, чем к грекам. Взятки могут обеспечить некоторый комфорт, но все же лучше избегать гостеприимства этих учреждений.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И БЮРОКРАТИЯ

Хорошо известно, что большинство народов имеют то правительство, которого они заслуживают. Как нельзя верно это относится к грекам. Их сменяющие одно другое правительства – независимо от политической окраски – обычно демонстрируют те же самые недостатки, что и среднестатистический грек, только гораздо более резко выраженные. Поскольку ничто и никто никогда не сможет убедить греков, что последние 150 лет их правительства – плоть от плоти их самих, они постоянно жалуются, что те, кого они избрали, не оправдывают возложенных на них надежд.

Но вот когда дело доходит до действия, то есть когда нужно поучаствовать в какой-то группе, чтобы оказать давление на правительство, или каким-то другим образом активно способствовать торжеству правой идеи, – они только пожимают плечами и заявляют: «Это не наше дело!», в то же время ожидая от правительства, что оно будет воплощением Мерлина, Мэри Поппинс и Креза в одном лице.

Афоризм «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, – спроси, что ты можешь сделать для своей страны» еще не проник в сознание греков на достаточную глубину.

А вот зато фраза «Если бы премьер-министром был я...» – излюбленное завершение любой политической дискуссии, и греки не устают убежденно перечислять, как они в одиночку решат все проблемы, веками мучившие страну.

Несмотря на свой несомненный интеллект, греки – очень доверчивый народ, особенно когда какой-либо харизматический политик говорит им то, что они хотят услышать. Они готовы следовать за ним до момента, когда наступает горькое разочарование, а потом поворачиваются к новому обольстителю, который выходит на свет рампы. Они неизменно ожидают от каждого очередного лидера, что он сотворит из воздуха все, в чем нуждается страна, и предложит им новый Золотой Век. Когда у того, естественно, ничего не выходит, греки начинают вредничать и голосуют за его отставку.

А вообще греки смотрят на политиков с презрением – даже на тех, за кого они голосовали. Они считают их коррумпированными и одержимыми личным обогащением. «Кто не будет облизывать пальцы, если они испачканы медом?» – гласит известная греческая поговорка, и если политик делает это дискретно, он избегает обвинений. Однако запустить в горшок с медом всю пятерню – значит вызвать разговоры и предоставить сатирикам долгожданный материал для критики, хотя чаще всего виновный выходит сухим из воды.

Греки легко подцепляют вирус фанатизма, который раздувается прессой до степени, невозможной в какой-либо другой стране. С незапамятных времен гражданские противоречия были погубителью греческого общества. Идеалы как правило играли очень незначительную роль в выборе сторон, хотя греки обычно этого не признают.

Приверженность определенной партии зависит в большей степени от того, понравится ли ее лидер публике, от его силы убеждения и от эффективности его пропагандистской кампании, нежели от его программы или его действий. Решающий фактор – всегда личная выгода, которую можно ожидать в случае, если выбранная партия окажется у власти. Принесет ли данная партия какую-либо выгоду стране – мало волнует греков.

Бюрократизм

Бюрократизм – это у других народов, а у греков – «связи». Обычно в любом отдельно взятом министерстве или государственном учреждении имеется какой-то дальний родственник, седьмая вода на киселе, кум или приятель знакомого. Что не удивительно для страны, где одна десятая населения состоит на той или иной государственной службе. Эти друзья могут ускорить ход дела, иногда в качестве одолжения, а иногда за соответствующую мзду – в зависимости от важности оказываемой услуги. (Есть даже такая песенка: «Все они берут взятки – и очень крупные притом».)

Однако для тех, у кого нет подхода к бюрократическому лабиринту, все совсем по-другому. Происходит это потому, что бюрократизм в Греции возведен в ранг искусства – искусства превращать граждан во врагов. Грек, которому удалось тем или иным путем стать государственным чиновником, в девяти случаях из десяти не считает себя слугой общества.

Забаррикадившись за огромным письменным столом, он становится таким маленьким диктатором, который боится принимать какие-либо решения самостоятельно, но зато испытывает наслаждение, измываясь над несчастными просителями, коих злая судьба отдала на его милость.

Даже получение маленькой справки превращается в боевую операцию, на которую уйдет несколько часов или даже дней, так как приходится иметь дело по меньшей мере с полудюжиной чиновников, которые обращаются с просителями с различной степенью безразличия, грубости и откровенной злобы, – и с километрами коридоров и плохо освещенных лестничных пролетов, по которым надо отшагать, чтобы получить подпись у одного, поставить печать у другого, завизировать у третьего и так далее.

По сравнению с греческой бюрократической волокитой «Процесс» Кафки кажется приятной прогулкой в парке.

Существуют, правда, чиновники, которым не свойственна нерадивость, которые приходят в учреждение, чтобы работать, а не просто бездельничать, почитать газеты и сплетничать с друзьями, те, кто делает все возможное, чтобы служить обществу эффективно и вежливо, но они – вымирающий вид. Их примерно 10-20 процентов от всех работающих в общественном секторе, и только благодаря им страна еще не развалилась.

БИЗНЕС

Греки первыми обзавелись богом торговли. Им стал посланник богов Гермес, или Меркурий. (Он также был покровителем воров, но не надо делать поспешных выводов.)

Имея за спиной тысячелетия обучения, греки в бизнесе достигли заметного успеха – особенно те греки, которые проживают за рубежом: в списке ста богатейших людей планеты на удивление много греков.

В принципе греки верят в свободную торговлю, в честные сделки и держат данное слово. Они быстро схватывают (а порой изобретают) сложный бизнес и финансовые договоренности, и они – непревзойденные мастера в деле посредничества, что для них в сущности означает, что и та и другая сторона им платит, а они сами не рискуют ничем.

Находясь за границей, греки придерживаются деловой этики страны пребывания. В самой же Греции они демонстрируют все национальные свойства характера, за которые ими либо восхищаются, либо которые приводят имеющих с греками дело в бешенство: они предприимчивы, трудолюбивы, воплощение импровизации, когда что-нибудь вдруг идет не так как надо, но они также могут быть ленивыми, нерешительными, нерадивыми, раздражающе неумелыми. Бывают моменты, когда минимальный персонал может достичь выдающихся результатов в рекордно короткое время, исключительно благодаря силе воли и изобретательности; другие случаи можно описать как «Закон Паркинсона по-гречески»:

Паркинсон: Два человека делают за полчаса работу, которую один человек выполняет за час.

Греки: Два грека делают за два часа работу, которую один грек выполняет за час.

Паркинсон: Человек растягивает работу, чтобы заполнить имеющееся в наличии время.

Греки: Грек растягивает работу, чтобы заполнить имеющееся время плюс еще на половину времени, чтобы получить сверхурочные.

Дипломатичный управляющий, который умеет апеллировать к лучшим чувствам греков, с достаточно сильным характером, чтобы завоевать уважение, верящий в честные сделки и держащий данное слово, в обмен получит полную лояльность и безмерную отдачу со стороны по меньшей мере 70 процентов его служащих.

Примерно четыре пятых предприятий в Греции – семейный бизнес, что обеспечивает лояльность служащих, поскольку большинство из них так или иначе связаны с владельцами предприятий родственными узами, дружбой или происходят из одних и тех же мест. Поэтому рекомендации знакомых гораздо важнее, чем квалификация, так как греки убеждены, что «лучше известные недостатки, чем неизвестные достоинства».

Но правила игры в бизнесе постоянно меняются, и этот факт экономической жизни Греции не может не вызывать тревоги. Каждое новое правительство, придя к власти, считает делом чести как-нибудь изменить налоговое законодательство, поэтому только гении и маги от бухгалтерии могут разобраться в том, какое положение к чему применяется. К тому же греческая налоговая система априори не доверяет налогоплательщику и прибегает к шейлоковской тактике в попытке собрать то, что, как ей кажется, ей причитается.

Благодаря лазейкам в законодательстве и вошедшей в поговорку изобретательности греков, честный налогоплательщик, которого налоговое ведомство держит за мошенника, видя, что менее честные выходят сухими из воды, вскоре тоже обнаруживает способ обмануть систему.

Несмотря на усилия каждого очередного правительства запретить подобную практику, работа по совместительству уже настолько превратилась в национальный спорт, что недекларируемый доход на душу населения, по оценкам, сравнялся с декларируемым.

Греческое общество по сути своей – общество, где правят мужчины, но мужчины, занимающие руководящие должности, в меньшей степени шовинисты, чем их зарубежные собратья, и менее квалифицированный работник-мужчина редко занимает более высокое положение, чем коллега-женщина с лучшей квалификацией, только потому, что он мужчина.

Довольно много женщин занимают высокие посты, и они сталкиваются с гораздо меньшим трением в отношениях с мужчинами-подчиненными и завоевывают большее уважение мужчин, равных или старших по должности, чем, например, в Штатах. Они преуспевают в карьере, не используя и не принося в жертву свою женственность.

Фактически в Греции сексуальные преследования и домогательства на рабочем месте встречаются редко – даже в отношении традиционных секретарш. Поскольку большинство должностей добывается по личным рекомендациям друзей или родственников, кто же захочет рисковать, чтобы те услышали, что он приставал к их протеже? Наживку забросить можно, но если на нее не клюют, что ж, никаких претензий.

В большинстве греческих компаний не существует никаких формальностей. Правила поведения сведены к минимуму – и не только между равными по положению. Издатель, которого приятель упрекнул в том, что тот терпит неуважительное поведение одного из печатников, ответил обезоруживающе: «Я нанял его не за хорошие манеры, а потому, что он – хороший печатник». Такой вид неформальности имеет более глубокие демократические корни, чем, например, манера обращаться по имени, практикуемая в большинстве американских компаний. Грек назовет это «украшением витрины».

Неформальность в манерах дополняется в большинстве компаний неформальностью в одежде, практикуемой даже в государственном секторе. Особенно это заметно летом. Многонациональные корпорации и рекламные агентства пытаются ненавязчиво привить хоть какие-нибудь требования ко внешнему виду служащих, но такие принятые в других странах нормы, как не ходить без чулок, в сандалиях, джинсах, с большим декольте или в мини-юбках, в Греции не приживаются и только заставят грека рассмеяться и заметить, что если компании не нравится, как он одевается, то пусть она ему бесплатно предоставит одежду по ее выбору.

Над кем смеемся?

Закончим известной историей, ключевая фраза которой – «Погружаться!» – стала своего рода сигналом, означающим, что пора возвращаться к работе. Она очень хорошо иллюстрирует характер греков и их непревзойденные способности извлечь выгоду из любой ситуации.

Умирает человек и попадает в ад. Там он обнаруживает, что ад представляет собой огромные котлы с дерьмом, где погруженные в это дерьмо грешники ожидают судного дня. Раз в час им дозволяется всплыть на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, затем раздается команда «Погружаться!», и огромный черный надсмотрщик колотит деревянным черпаком по голове тех, кто не спешит нырять обратно.

Распределение по котлам происходит более или менее по национальному признаку, но поскольку вновь прибывший не так уж много грешил в жизни, ему решили дать возможность выбрать ту компанию, в которой он захочет провести остаток вечности.

Грешник долго думает и потом говорит главному дьяволу, что, наверное, швейцарский котел лучше всего – народ они тихий, порядок любят, да и дерьмо, поди, почище будет...

«Послушай, – говорит дьявол. – Ты мне нравишься, и я дам тебе совет. Не ходи к швейцарцам. Их котел работает как часы. Один глоток воздуха в час – и все. Иди лучше к грекам».

«Но как же, – удивляется грешник – Греки ведь самый зловердный, неорганизованный, неуправляемый, и вообще просто невозможный народ!»

«Вот именно! – говорит дьявол. – Поэтому они устроились лучше, чем кто-либо еще. Вот посмотри: ежедневный завоз дерьма никогда не происходит вовремя, по утрам никак не могут найти черпак, надсмотрщик или засыпает или вступает в жаркую перепалку с грешниками и

забывает отдать команду «Погружаться!» – он даже часто объявляет забастовку, требуя улучшения условий труда! Поэтому так или иначе греки получают больше воздуха, чем все остальные грешники, вместе взятые».

ОБ АВТОРЕ

Александра Фиада родилась и живет (как и 40 процентов населения Греции) в Афинах. Она ничем не может объяснить свою исключительно дисциплинированную натуру, но в качестве оправдания предлагает считать ее любопытство, оптимизм и индивидуализм достаточным доказательством того, что она истинная гречанка.

Страстная поклонница греческой истории, она признает, что порочная склонность к чтению газет развилась в ней, когда ей было всего пять лет, и с тех пор она не пропускает ни одной строчки печатного слова. К счастью, это помогло ей в профессиональной деятельности – издательском деле.

Как редактор ряда журналов, включая *International History Magazine* и греческое издание *Reader's Digest*, как переводчик и автор Краткой истории Афин, а также многочисленных статей, сценариев и документальных фильмов, она находит в работе высшее наслаждение. Но также признает, что не может нормально функционировать без бесконечных чашек кофе и слишком большого количества сигарет, что она оправдывает, говоря, что если не сигареты ее первыми прикончат, то это сделает афинский смог.

Так часто, как она может себе позволить, Александра Фиада сбегает в Лондон – побродить по антикварным лавкам, или в какую-нибудь греческую деревню. Приобретя клочок земли, она мечтает о том времени, когда построит дом своей мечты среди оливковой рощи. А пока она вкладывает деньги в будущую пенсию, чтобы, когда впадет в старческое слабоумие, у нее было столько денег, что родственники будут выполнять все ее прихоти.